

«Без галстука» № 75 с Андреем Баклицким

ОТ РЕДАКЦИИ: ПИР-Центр продолжает серию «Без галстука» — цикл неформальных интервью с нашими коллегами, друзьями и партнерами, внесшими значительный вклад в становление и развитие организации на разных этапах её истории.

Сегодня мы побеседовали с Андреем Александровичем **Баклицким**, старшим научным сотрудником программы по вопросам оружия массового уничтожения в Институте ООН по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), экспертом по вопросам ядерного нераспространения и снижения ядерных рисков. Он поделился воспоминаниями о детстве, образовании и профессиональном пути, а также дал советы молодым специалистам, стремящимся к успеху в этой сложной, но увлекательной сфере.

Интервью провёл стажёр ПИР-Центра Герман **Селявин**.

«Не теряйте любопытства, *докапывайтесь* до сути и не забывайте про реальный мир!»

Воспоминания о детстве и юности

Я родился в Кишинёве, на тот момент ещё в Молдавской ССР, но сознательное детство провёл уже в постсоветской Молдове. Затем родители переехали в Россию, так что школу я заканчивал в Екатеринбурге. Переезды в детстве, конечно, травматичны, но зато позволяют прочувствовать, насколько мир велик и разнообразен.

Мой дедушка был учителем истории, так что одной из первых книг, которые я прочитал, были тексты по истории Древней Греции. Наверное, тот факт, что моими детскими героями были Ксенофонт и Фемистокл, не мог не повлиять на мой дальнейший интерес к истории.

По интересному стечению обстоятельств обе мои бабушки и дедушка были школьными учителями, что привило мне интерес и уважение к науке — и это осталось со мной на всю жизнь.

Мои родители по образованию инженеры, а я вернулся к гуманитарному профилю. Думаю, дедушки и бабушки были бы рады узнать, что, хотя преподавать я никогда не планировал, в итоге читал курсы и в Дипломатической академии МИД России, и в МГИМО.

Выбор профессионального пути: от юриспруденции к международным отношениям и ядерному нераспространению

В школе я думал о профессии юриста, но в итоге любовь к истории победила. Этому выбору я рад, но также с удовольствием разбираюсь в хитросплетениях международного права, которое в нашей работе встречается довольно часто.

Факультет международных отношений Уральского государственного университета (до его объединения с Политехом в Уральский федеральный университет) вырос из истфака, так что для меня это было отличное сочетание истории и иностранных языков. Я учился на регионоведении и специализировался на Испании и Латинской Америке. Дипломную работу писал по испано-британскому колониальному соперничеству в Латинской Америке в XVI–XIX веках — это довольно далеко от того, чем я в итоге занялся.

Во время учёбы я провёл год по обмену в Университете Севильи в Испании. Параллельно окончил курсы переводчика-синхрониста с испанским языком и даже немного поработал по этой специальности на строительстве нового энергоблока Среднеуральской ГРЭС. Если бы всё сложилось иначе, возможно, я бы сейчас был переводчиком.

У нас было много талантливых и интересных преподавателей, но особенно хочу отметить Дмитрия Ивановича Победаша, который заинтересовал меня вопросами ядерного оружия. Он был одним из лучших преподавателей, с которыми мне довелось работать. Приятно видеть, что Уральский федеральный университет продолжает заниматься ядерной проблематикой — в частности, исследования в этой области ведут Екатерина Михайленко и Екатерина Лапанович.

Знакомство с миром ядерного нераспространения

Наверное, самой удачной поездкой в моей жизни стала Тюменская модель ООН, где я познакомился с коллегами, занимавшимися ядерными вопросами. В итоге это привело меня на Томские летние школы по нераспространению — замечательную многолетнюю программу под руководством Савелия Вольфовича Вольфсона и Ларисы Валериевны Дериглазовой, реализуемую талантливой группой аспирантов: Ниной Рожановской, Денисом Шведовым, Таней Никоновой. Томское сообщество запустило множество карьер в ядерной сфере, и моя — одна из них.

Начало карьеры в ПИР-Центре: вызовы и достижения

Число специалистов, занимающихся ядерной проблематикой, в любой стране ограничено, а организации в этой сфере можно пересчитать по пальцам. Так что о ПИР-Центре я узнал довольно быстро, и со второй попытки удалось попасть туда на стажировку, а затем остаться работать.

В ПИР-Центре я занимался многими направлениями: запускал новый сайт, редактировал электронные бюллетени и, в конечном итоге, стал директором программы «Россия и ядерное нераспространение». Было много интересных задач — например, мы активно работали над возможным соглашением по иранской ядерной программе в рамках второго и полуторного треков. Много внимания уделяли вопросам создания зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке, а также аналитике по обзорному процессу ДНЯО.

В итоге вопросами ДНЯО мне приходится заниматься уже на новом месте. Мои коллеги из ЮНИДИР активно работают над ЗСОМУ. Что касается СВПД и иранского сюжета в целом, то каждый раз, сталкиваясь с ним, становится грустно от того, как всё могло быть и как стало.

Переход в ООН: новая ступень профессионального роста

В ЮНИДИР я веду работу по снижению ядерных рисков. В принципе, работа в институте похожа на мой предыдущий опыт: исследования, организация мероприятий, выступления, общение со СМИ, привлечение средств — поскольку ЮНИДИР существует преимущественно на добровольные взносы государств. С одной стороны, очень интересно находиться в штаб-квартире ООН и взаимодействовать с представителями самых разных государств. С другой, если ты работаешь в структурах ООН, то у тебя, образно говоря, 193 начальника, что для меня было новым и непривычным.

Формирование мировоззрения и участие в экспертных комиссиях

Думаю, любое участие в официальных форматах полезно для того, чтобы лучше понимать, как всё это работает, как принимаются решения, каковы пределы возможного и так далее. С другой стороны, это не должно превращать исследователя и эксперта в чиновника или заставлять его полностью принимать эту логику. Рекомендации продолжать делать всё так, как было, не особо кому-то нужны. Идеальный вариант — знать, как работает система изнутри, и предлагать с учётом этого свежие и интересные идеи. Но сказать это, конечно, проще, чем сделать.

Вызовы в сфере контроля над ядерными вооружениями

Я начал профессионально заниматься ядерными вопросами в 2011 году. Это был год вступления в силу нового ДСНВ, период оптимизма в отношении контроля над вооружениями и разоружения, возможностей для мирного взаимодействия великих держав. С тех пор ситуация в мире катится под уклон, и контроль над вооружениями не стал исключением.

Изучая историю контроля над вооружениями, несложно увидеть, что некоторые сценарии повторяются, иногда совсем недвусмысленно. Учитывая, что мы знаем, чем это обычно заканчивается, тем удивительнее, что находятся желающие всё повторить.

В какой-то момент понимаешь, что в конечном итоге большая часть международной безопасности сводится к взаимодействию и поведению конкретных людей. После этого многие вещи становятся понятнее. Особенно если разбираться в социологии и политологии.

Но на некоторые фундаментальные вопросы в ядерной сфере окончательных ответов нет — работает ли ядерное сдерживание? И если работает, то как именно? К счастью, эксперимент здесь провести нельзя, так что остаётся большое пространство для теорий и интерпретаций, и люди часто выбирают теории, которые им ближе.

Мне кажется довольно интересным вопрос о том, как государства и их лидеры определяют, что является рисками и откуда они исходят. Мы буквально только что выпустили доклад о том, как ядерные риски видятся из пяти государств, обладающих ядерным оружием. На подходе доклад о взглядах неядерных стран.

Впечатления от путешествий и культурных открытий

По работе приходится много ездить. Был момент, когда у меня в паспортах был любопытный набор виз — Иран, Израиль и Саудовская Аравия.

Из последнего, очень понравилась Япония. Хочу вернуться туда уже туристом.

Жертвы ради профессии: баланс между работой и отдыхом

Иногда я думаю о том, что работа переводчика-синхрониста заканчивается в момент завершения рабочего времени. У них не бывает дедлайнов, работы по ночам и в свободное время. Но все из нас, кто решил заниматься аналитикой и исследованиями, идут на это.

В свободное от работы время я люблю совершать пешие прогулки, Швейцария к этому располагает. Стараюсь несколько раз в неделю играть в бадминтон. Для людей с офисной работой физическая активность — это необходимость для поддержания как здоровья, так и умственной деятельности.

Советы молодым специалистам: путь к успеху в международной безопасности

Сфера международной безопасности очень чувствительна и политизирована. Это также касается исследований. Может случиться так, что ваши объективные знания и

профессиональное мнение будут расходиться с привычным, общепринятым мнением или заявлениями государственных лиц. Выбор, что делать в этом случае, может быть весьма тяжелым. Если вы не готовы к таким ситуациям или предпочли бы в них не попадать, возможно, вам лучше подойдет другая сфера деятельности.

Чтобы быть хорошим аналитиком в любой сфере, важно критическое мышление. Исследователь должен взаимодействовать с реальностью и описывать ее такой, какая она есть на самом деле, а не какой нам бы хотелось ее видеть или какой ее видят другие, даже очень уважаемые люди.

Еще полезно быть оптимистом, иначе анализ всех сценариев гибели человечества может ввести вас в уныние.

«Не теряйте любопытства, докапывайтесь до сути, читайте источники и не забывайте про реальный мир!»

Интервью: Герман Селявин

Редактура: Максим Сорокин